

Уиллард: Они называли вас сумасшедшим, а ваши методы — необоснованными.

Курц: Разве мои методы необоснованы?

Уиллард: По правде говоря, я вообще не вижу никаких методов, сэр.

«Апокалипсис сегодня»

Это случилось той зимой, когда бушевал шторм.

Погиб ученый. Его диктофон переходил в Стокгольме из рук в руки, осложняя жизнь каждому, к кому попадал. И еще той зимой разогнали демонстрацию, а два человека, некогда бывшие друзьями, встретились на детской площадке с качелями, где когда-то любили играть.

На дне озера Меларен покоился мобильник. Но если он и имел какое-либо отношение к делу, то лишь потому, что был брошен туда рукой преступника. В больнице умирал человек, и его последними словами были «Шовле» и «Эитер», что бы они ни значили. И все разъяснилось лишь потом, когда стало поздно. С самого начала шел обратный отсчет — к нулевой точке, к двадцать первому декабря.

История оказалась на редкость запутанной и странной, со временем с этим согласились все. Хотя было ли все так сложно на самом деле? Возможно, история, в сущности, была простой, даже банальной. Потому что однажды зимой один человек предал другого, и это стало началом конца.

Так или иначе, все, насколько нам известно, происходило так...

I

WHO COMES AROUND ON A SPECIAL NIGHT*

* Кто бродит вокруг этой особенной ночью (из песенки о Санта-Клаусе, *англ.*).

12/12

Только одно можно утверждать с полной уверенностью: город лежит объятый страхом. Теперь он показал свое испуганное лицо, в этом я не сомневаюсь. Это можно почувствовать, прослушав его пульс — слабое, ритмичное тикание. Нервы его напряжены, он стал непредсказуем. Превратился в медленно угасающую лампу. И никто ничего не замечает и не думает об этом.

На церковной башне бьют часы. В ночи медленно падают снежные хлопья. Прозрачные, они отливают серебром в холодном свете уличных фонарей. В ночном клубе неподалеку гудит бас: *I wish it could be Christmas every day*¹, а потом за углом взвизгивают тормоза. Как видно, водитель упал грудью на сигнальный рожок.

Вопят сирены — вот такая выдалась ночь.

* * *

Один из переулков, отходящих от Дёбельнгатан, отличается особенной теснотой. Достаточно развести руки, чтобы нащупать по обе стороны от себя потертые кирпичные стены. Поэтому там всегда темно. В центре города дома особенно высокие, и редко когда покрытый трещинами асфальт ласкают лучи холодного солнца.

Этот переулок выходит на задний двор, где вдоль стен выстроились зеленые мусорные контейнеры. И на всем лежит тонкий слой снега. Попав сюда, ты словно оказы-

¹ Вот бы каждый день был Рождеством (англ.).

ваешься на дне колодца. Подняв голову, можно было увидеть заключенный в квадрат кусочек хмурого неба.

Женщина в голубом комбинезоне натягивает посреди двора большой белый тент. Под ним на спине лежит мужчина в темно-серых джинсах и черных ботинках. Из-под расстегнутого воротника его пальто выбивается вязаный шарф. Белые лучи прожекторов светят на него с четырех сторон. Поодаль валяется раскрытый рюкзак «Фьельревен», рядом с ним — книга, визитка, пара теплых носков и связка ключей. Есть при мужчине и перчатки, они торчат из кармана его пальто.

На вид ему между тридцатью и сорока. Коротко стриженные темные волосы аккуратно уложены, угловатое лицо не брито несколько дней. Глаза закрыты, так что определить их цвет затруднительно. Хотя на данный момент это не имеет никакого значения.

* * *

Я жду в стороне от тента, держа руки в карманах куртки и энергично переступая ногами — скорее от холода, чем от нетерпения. В одном из окон светится красная рождественская звезда. Она большая, размером с автомобильную шину. И за ней время от времени мелькает мальчишеское лицо.

— И давно он так стоит?

Виктория Мауритцон разворачивается на корточках, одновременно открывая свою сумку.

— Кто?

Опасаясь вынимать руки из карманов, дергаю подбородком в сторону окна:

— Мальчик.

Мауритцон поднимает голову.

— Мальчик? — Щурится, ослепленная снегом и светом прожекторов. — Не знаю.

Она возвращается к работе. Достает камеру, настраивает ее и делает шестьдесят восемь снимков тела и всего, что вокруг него.

Пространство озаряют голубые вспышки. Поодаль ветер треплет сине-белую оградительную ленту. Время от времени мимо проходят люди. Некоторые глазают в надежде увидеть что-нибудь интересное, снимают на мобильный.

Мауритцон убирает камеру и вкладывает покойнику в ухо цифровой термометр.

— Совсем свежий, — объявляет она.

— Насколько свежий?

— Час назад, возможно, меньше. Но полной уверенности у меня нет. Метод неточный, это не более чем грубая оценка. Однако это все, чем я располагаю на этот момент.

— Как он умер?

— Без понятия.

Виктория вытаскивает термометр, записывает показания в свои бумаги.

— Он мертв — и это единственное, что я могу сейчас утверждать.

Пригнувшись, я ступаю под своды тента и присаживаюсь на корточки рядом с рюкзаком. Мауритцон протягивает мне латексные перчатки, и я неохотно вынимаю руки из карманов. В перчатках мои руки становятся белыми, как у мертвеца, а пальцы выглядят более вытянутыми и костлявыми, чем на самом деле.

Я чувствую, как к горлу подступает тошнота. По спине пробегает теплая волна, а потом меня прошибает холодный пот. Остается надеяться, что Мауритцон ничего не заметит.

— Довольно чистенький, — говорит она, кивая на мертвеца. — Не похож на тех, кого обычно находят в таких местах.

— Возможно, у него здесь была встреча... — Я поднимаю с земли черную визитку.

Из кожаных кармашков выглядывает идентификационное удостоверение, кредитка, что-то похожее на пропуск и белая карточка с голубой виньеткой и такой же витиеватой надписью «Стокгольмский уни-